

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Нет места горестней в Петербурге и нет даты скорбней: Мойка, 12, 10 февраля, 2 часа 45 минут пополудни... Часы в доме остановлены, время замерло, «солнце русской поэзии закатилось».

Я впервые нынче публикую фотографии, снятые пять лет назад в последней квартире Александра Сергеевича Пушкина. Мемориальный музей поэта, известный всем, тогда просыпался после двухлетней летаргии ремонта, накануне 150-летия гибели, дуэли, смерти... Питерские друзья привели меня туда, представили и оставили на благосклонность чуждых музейных людей. Я прожил в тех стенах целую неделю перед открытием: снимал, наблюдал за работой, помогал двигать мебель и развешивать портреты; я немел от бессловесного хамства рабочих, меня тярсило от набегов вельможных комиссий, для которых сначала юбилей, а Пушкин потом... В муках, горестях и распри составлялась новая экспозиция музея. Казалось, сами стены, когда-то исторгшие поэта, теперь не выпускали его дух. Горестный дом, гибельный дом. Вот взгляд из окон гостиной: напротив справа — дом А.Дельвига, только оболочка бесценного друга, уже умершего тогда; а напротив влево — Третье отделение его Императорского величества тайной канцелярии, — здравствуйте, Александр Христофорович! Окна кабинета выходят в иную сторону, во двор. Ах, как жесток его снежный квадрат, пронзительно белый, белый, белый... Цыганка перед приездом сюда нагадала скорую беду не то от белой головы, не то от белой лошади... И некуда деться от белокурого Дантеса, а его белый кавалергардский мундир бел до черноты в глазах, вот он уже в комнате сестер Гончаровых, муж Александр... Уже совсем недалеко до белого снега Черной речки, — карета заложена! Три карты не выигрывают, а семья в непролазных долгах, уже не спасет издание «Современника», — неразошедшийся тираж лежит в чулане. «Черт меня дернул с умом и талантом родиться в России!» — поделом слышат эти стены. Здесь же родится едва ли не самый последний жуткий стих.

От меня вечер Лейла
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «Всему пора!»
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора.
Но Лейла неудачным
Посмеялась речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».

Посреди ночи гроб с телом Поэта в сопровождении жандармов тайно отправился в Святогорский монастырь. Жандармы вскоре вернутся: потомки хозяйки дома Зинаиды Волконской, промотав состояние, пустят дом с торгов, а покупателем его в начале века окажется Третье отделение. Представьте: кабинет Пушкина, а в нем допросы и доносы... Ах, какие белые стены!

Утром 10 февраля 1987-го я продирался сквозь милицйские кордоны, расставленные на набережной Мойки, — Поэта стерегли от народа. За полчаса накануне открытия в квартире Поэта вдруг, подобно домашним крысам, возникли люди, причесанные на пробор, причем второй из них был похож на первого, а третий напоминал первых двух. «Кто вы, что, откуда, зачем???» — вопросы ко мне. Но тут наехала ватага партийных бонз: откупоривать музей и открывать народу Пушкина.

«Народ безмолвствовал» на другом берегу Мойки, словно ожидал выноса.

Александр КНЯЗЕВ.

Фото автора.

